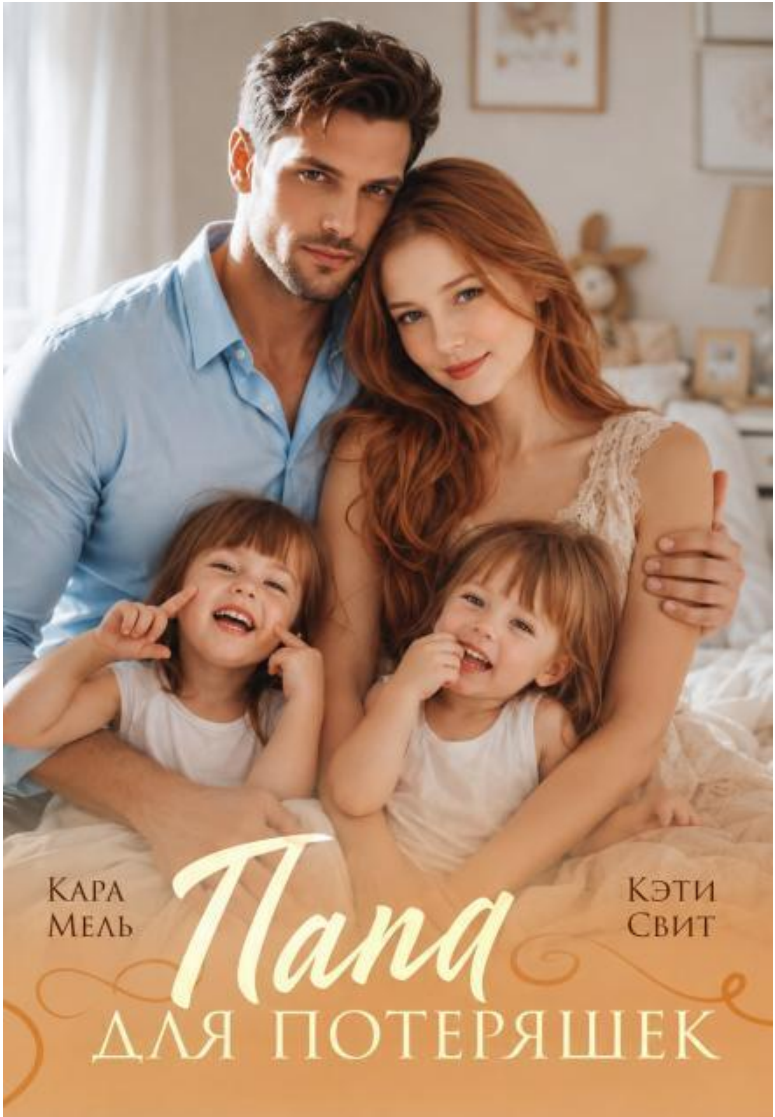

Кара Мель
Кэти Свит
Папа для потеряшек

Кара Мель
Кэти Свит
Папа для потеряшек

https://litres.ru/74824129

Аннотация

-Ты наш папа? - меня с интересом рассматривают две малышки. -Да, - киваю. -Мама говорила, что наш папа козел, - выдает одна. - Ты на козла не похож, - задумчиво обходит вокруг. Задирает мое пальто. -Ты что творишь?! - одергиваю его обратно. На улице минус двадцать! Кто вообще додумался в такой мороз гулять? -Где твой хвост? - спрашивает требовательно. -Покажи рога! У козлов рога есть! Где твои? - вторая малышка залезает на лавку, подпрыгивает. Хочет снять с меня шапку. Не девочки, а самая настоящая шпана! -Мать ваша где? - не выдерживаю напора. -Не знаем, - переглядываются. - Она замуж за дядю Полита собралась, вот мы и сбежали. Не хотим с ним жить. Он нам не нравится!

Содержание

Глава 1. Макар 4
Глава 2. Оля 9
Глава 3. Оля 15
Глава 4. Оля 20
Глава 5. Макар 27
Глава 6. Оля 33
Глава 7. Макар 38
Глава 8. Макар 43
Глава 9. Макар 50
Глава 10. Оля 55
Глава 11. Оля 62
Глава 12. Макар 68
Глава 13. Макар 76
Глава 14. Макар 82
Конец ознакомительного фрагмента. 83

Глава 1. Макар

— Ты обещал сказать, где живут мои дети! — ударяю кулаком по столу. Смотрю на старого друга, в груди ярость бушует, а ему пофиг на мой гнев.

Давид откидывается на спинку кресла, скрещивает руки на груди и молча взирает, как я бешусь. Ему доставляет удовольствие смотреть на мои страдания. Гаденыш!

Несколько лет назад я совершил ужасную ошибку, последствия которой разгребаю до сих пор. Дети —это все, что у меня осталось. Смысл жизни. Если бы не они, меня бы уже давно не было здесь.

Однажды я уже пошел на поводу у своих эмоций, тем самым разрушив жизни сразу нескольких человек. На этот раз буду действовать разумнее и спокойнее.

Но блин! Как же это тяжело!

Я должен увидеть своих детей. Да как Давид этого не понимает?!

Сегодня, после того как Торковский в очередной раз отказался называть их местоположение, я окончательно потерял терпение. Еще немного — и сорвусь. Чувствую же.

— Где они?! — требую ответ. Мне нужно знать. Прямо сейчас!

— Я уже тебе все ответил, — заявляет невозмутимо.

Внешне Давид остается спокойным, как удав.Но я вижу,

как трудно ему это дается.

Мы слишком много лет знаем друг друга, слишком через многое прошли. Нам нет смысла прятать эмоции и истинные чувства за маской. Научились понимать друг друга без слов.

— Дава! Ты переходишь черту, — рычу. Я зол, и с каждой секундой сложнее сдержаться.

Да блин! Я же сейчас все здесь разнесу!

— Ольга не желает тебя видеть, — пытается объяснить мне свою позицию. Но упоминание имени его сестры лишь сильнее раздраконивает.

Между нами была единственная ночь, которую даже не помню. Я был пьян так сильно, что даже не узнал ее тогда.

Лишь потом, спустя несколько лет, выяснилось, что я стал отцом. А мои лучшие друзья, братья Торковские, приходятся дядями моим детям.

И эти лучшие друзья скрывают от меня местонахождение своих племянников! Засранцы они, а не друзья!

— Мне плевать на ее желания! — взрываюсь. Мне плевать, я ору на весь кабинет. — У моих детей есть отец! Нравится Оле или нет, но я буду участвовать в их жизни!

Опираюсь ладонями на стол. Крепко сжимаю руки в кулаки. Еще немного —и всажу их в гладкую деревянную поверхность несколько раз.

Бесит меня! Все бесит!

Друзья еще называются! Прячут моих детей!

— Мак, угомонись.— Давит наклоняется вперед, смотрит

мне в глаза. Друг остается спокойным, и его деланое спокойствие только сильнее заводит.

Выпрямляюсь. Делаю несколько широких шагов по кабинету. Злость и ненависть ко всему миру пульсируют в груди.

Давид не сводит с меня внимательный взгляд. Он устало трет переносицу и тяжело вздыхает.

— Я поговорю с Олей еще раз, — снова дает обещание. Сколько их было уже? Целая тьма! — Попытаюсь объяснить сестре, что ты имеешь право на присутствие в жизни детей.

— Прикалываешься?! — зло сверкаю глазами.—Адрес пиши, — кладу перед другом на стол лист бумаги и ручку. — Я сам с ней поговорю!

Ты мне только адрес дай, а там я уже сам со всем справлюсь. Твоя сестра на этот раз не скроется от меня!

— Так не пойдет.— Друг отвечает более жестко. Отодвигает ручку и бумагу в сторону. — Оля не позволит тебе приблизиться к детворе.

— Я даже спрашивать ее не собираюсь! Это мои дети! И они должны знать, что у них есть отец! — Перед глазами все плывет от дикой злости. Приходится несколько раз глубоко и медленно вдохнуть, чтобы хоть немного прояснить свой разум. Он пылает.

— Кажется, ты меня не расслышал.— В голосе друга появляются опасные нотки. А мне пофиг. Я опасен не меньше его самого. — Без ведома Оли ты к детям не подойдешь.

— А это уже не тебе решать, — продолжаю наседать на

Давида. — Мои дети должны знать, что у них есть отец! — снова меряю шагами кабинет друга.

Я больше не могу спокойно сидеть и ждать, когда они с братом решат мне обо всем рассказать. Настало время узнать правду!

— Представь себя на моем месте, — нависаю над другом. — Что бы ты сделал, если Вика родила без тебя? А? — зло сверкаю глазами.

Дава хмурится. Молчит.

Мне больше нечего терять. У меня помимо детей ничего не осталось. Если и сегодня Давид не скажет, где они находятся, то я найду иной способ его разговорить. Благо возможности есть.

Жаль, результат никому из нас не понравится. Мы снова станем врагами.

Дава спрятал от меня сестру вместе с моими детьми и не позволяет узнать, что с ними. Он даже не показывает мне ни единого фото! Не говорит, кто у меня. Мальчики, девочки? Все, что мне известно, их двое.

Я столько раз пытался выяснить хоть что-то о своих детях и их матери, но мои попытки каждый раз оканчиваются полнейшим провалом.

Так вышло и на этот раз.

Последняя зацепка —и та не дала результатов…

— Прошел уже месяц после твоего последнего обещания! — ударяю кулаком по столу. Стекло в дверцах начинает дре-

безжать. — Месяц!

— Угомонись! — пытается успокоить меня друг. — Скажу все. Наберись терпения.

— Нет, так не пойдет, — отрезаю сурово и жестко. — Ты либо мне обо всем расскажешь сейчас, либо я за себя не ручаюсь.

Внутри пылает ярость. На этот раз я не готов отступать.

Мои дети растут без отца. С каждым днем я теряю их еще больше. И без того самое важное время в жизни малышей пропустил!

Жаль, что я не узнал про их существование раньше. Но хорошо, что вообще хоть узнал.

— Мак, если Ольга увидит тебя рядом с детворой, то вынесет мне весь мозг, соберет свои вещи и уедет. Тогда ты их точно больше никогда не найдешь.— Друг не оставляет попыток до меня достучаться. Но это все бесполезно. Я устал ждать.

— Я сам разберусь с твоей сестрой, — двигаю ближе к другу бумагу и ручку. — Адрес пиши.

Глава 2. Оля

— Оль, ты совершаешь самую большую ошибку в своей жизни! — не успокаивается Маринка. Мы собрались с ней пройтись по магазинам, началась рождественская распродажа, а она знай себе не замолкает.

И ладно бы говорила по делу, а то сама не замужем, детей нет, а учит жизни.

Но, несмотря на все недостатки, я продолжаю общаться с Мариной, она моя близкая подруга. Ближе, пожалуй, просто нет.

— Ипполит не сможет стать хорошим отцом для твоих дочерей! — продолжает с энтузиазмом и жаром. — Он испортит вам всем жизнь!

— С чего это ты взяла? — резко разворачиваюсь, смотрю на подругу. Непонятно откуда взявшаяся злость появляется в груди.

Марина слишком рьяно отговаривает меня от предстоящего брака. Она прямо уперлась рогом и никак не желает принять этот факт. Неустанно говорит мнегадости про Ипполита, а как встречается с ним, так сама любезность.

Лицемерие во всей красе.

Не спорю, у любого из нас есть недостатки. Но вот так откровенно поливать грязью постороннего человека… Раздражает до ужаса!

Я далеко не глупая маленькая девочка, которой нужен совет и наставник. Жизнь научила со всеми трудностями справляться самой.

В крайнем случае, можно попросить братьев. Марат и Давид не откажут, если я к ним обращусь.

Правда, после последнего раза я не спешу теперь бежать со своими проблемами к братьям. Мне хватило нагоняя, когда они узнали, от кого я забеременела.

Ох, что тогда было! До сих пор кидает в дрожь, как вспомню. А ведь с того момента прошло уже несколько лет.

Когда призналась, что беременна от Маковецкого, лучшего друга моих старших братьев, то в какой-то момент порадовалась, что тот исчез. В противном случае, мне кажется, они его бы четвертовали.

Или еще хуже чего придумали… Например, меня за Мака замуж отдать.

Мои глупые девичьи мечты были разбиты вдребезги о суровую реальность. И теперь я не позволю кому бы то ни было за меня хоть что-то решать.

Выросла. Хватит!

Ипполит успешен, красив, с деньгами никаких проблем не имеет. Мы с ним особо не лезем в личное пространство друг друга, от этого я еще больше мужчину ценю.

Он сможет стать отличным примером для моих дочек, а на большее я и не рассчитываю. Макара к ним ни за что не подпущу.

Я не знаю, чем именно занимается мой будущий муж, но у него всегда есть при себе деньги. Он статен и уверен в себе. Не самый плохой вариант для замужества, уж точно.

— Ипполит —законченный эгоист и бабник! — выкрикивает.

— Марин, пожалуйста, давай обойдемся без пустых слов, — произношу устало. — Я тебе уже неоднократно объясняла, что за те три месяца, что мы близко с ним общаемся, не было ни намека на других женщин. Успокойся и не лезь в мою личную жизнь, хорошо? — прошу ее. — Иначе мы очень сильно поругаемся.

Но я не успеваю договорить, как в нескольких метрах от себя вижу того самого мужчину, за которого собралась замуж. И в торговый центр он приехал явно не из-за меня.

— Ты чего? — обеспокоенно спрашивает Марина. Прослеживает за моим взглядом. — Ой, — пищит. А затем делает то, чего от нее никак не ожидаю. — Ипполит! — громко кричит и машет рукой.

Мой жених тут же останавливается, оборачивается на голос. Видит меня, и его лицо тут же меняется. Он резко одергивает руку от девушки, что стоит рядом с ним.

Встречаемся взглядами. Я недоумеваю.

Ипполит бросает охране пару коротких фраз, те в два счета уводят молодую длинноногую брюнетку с глаз долой.

— Дорогая, я не знал, что ты решила пройтись по магазинам, — подходит к нам с Маринкой. Бегло целует меня в

губы. — Рабочее ведь время, — смотрит на часы.

— У нас обед. Мы ведь работаем неподалеку, — встревает подруга. — Вот, решили кофе попить.

Я хочу провалиться сквозь землю.

— Пойдешь с нами? — старательно переключает внимание мужчины на себя.

— Оленька, ты почему меня не предупредила, что собираешься уйти из офиса? — Он не обращает на Маринку никакого внимания. За ласковым обращением и заботливым тоном явно прослеживаются недовольные нотки, но услышать их могу только я.

— Кто это был? — киваю в ту сторону, куда увели его спутницу.

— Где? — удивляется, словно не понимает, о чем именно я говорю.

— Кто с тобой был? — повторяю вопрос.

— Не важно, — спешно отмахивается. — До скольки у вас обед? — обращается к Маринке. Понимает, что сейчас лучше ничего не спрашивать у меня.

— Еще тридцать минут, — елейным голосом отвечает ему подруга. Предательница она! Самая настоящая!

— Показывай, где собирались кофе попить, — говорит ей деловым тоном. Сам же берет меня под локоть, держит крепко, не позволяет уйти. — Нам с тобой нужно еще раз обсудить свободу передвижения, — произносит еле слышно. Я продолжаю молчать.

Мы уже несколько раз серьезно ругались из-за того, что Ипполит собирается приставить ко мне охрану. Он требует, чтобы я сообщала о каждом своем шаге и чтобы никуда не ходила без его ведома. Будущий муж буквально бредит моей безопасностью.

На моих дочерей подобное отношение тоже распространяется.

Ипполит привык все контролировать и держать руку на пульсе, с нами хочет поступить так же. Но пока я упираюсь. Не собираюсь добровольно влезать в тиски.

В конце концов, я взрослая и самостоятельная девушка, живу в спокойном и тихом районе и никому не причиняю вреда. Мне ничего не грозит, так что пусть не наговаривает!

И передвигаться по городу буду так, как посчитаю нужным!

— Нечего здесь обсуждать, — шиплю недовольно. — Я тебе уже обо всем сказала. На охрану добро не дам.

— Тогда будь добра, отчитывайся о каждом своем шаге! — В глазах жениха зарождается злость.

Вдох. Выдох. Задержка дыхания.

Прикусываю язык, чтобы лишнего не сболтнуть.

У Ипполита звонит телефон. Он достает его из кармана, смотрит на вызывающего абонента и недовольно сжимает губы. Они превращаются в узкую полоску.

— Придется вам пить кофе без меня, — отрезает жестко. — После работы я заеду за тобой, — обращается ко мне

строгим тоном. — Дождись меня.

Не дав возразить или что-то добавить, уходит. Рядом с собой слышу мечтательный вздох.

— Вот это мужчина, — смотрит ему вслед Маринка.

— Угу, — киваю.

Прямо мужчина мечты.

Глава 3. Оля

— Наталья Егоровна, что мои девочки опять натворили? — спрашиваю у воспитательницы в детском саду. Судя по ее выражению лица, ничего хорошего.

Олеся и Алиса такие придумщицы, что порой мне хочется запереть их дома и никуда не выпускать. Правда, малышки за тридцать минут ничего от дома не оставят. По кирпичику разберут.

— Ваши дочери!.. Ваши дочери!.. — начинает женщина, задыхаясь от переполняющих ее эмоций.

— Мамочка! Мамочка! — Малышки бегут ко мне, врезаютсяв ноги, задирают головы и счастливо смотрят на меня. — Ты пришла за нами! Ура!

Смеюсь. Словно я могла не прийти за ними.

— Конечно, пришла, — поправляю сбившиеся шапки. Ушки оголились, а по такому морозу это совсем не хорошо. — Куда ж я денусь.

Прижимаю дочек крепче к себе.

— Девочки, идите за своими вещами, — обращается с малышкам воспитатель. Те вихрем уносятся в сторону веранды. — Не забудьте забрать пакеты с грязными вещами!

— С грязными вещами? — удивляюсь. Я только вчера перебирала их шкафчики, все было нормально.

— Ваши девочки, — говорит обреченно. — Принесли из

дома две банки с зеленой гуашью.— Женщина делает глубокий вдох. Перед глазами тут же мелькают картинки.

— О нет, — шепчу.

— Да, — кивает воспитатель. — И даже хуже, чем вы могли подумать, — недовольно смотрит на меня.

Мои принцессы уже приносили в детский сад рисовую муку. Они на ковре с довольно-таки высоким ворсом решили поиграть в снег. В итоге в муке был не только ковер, но и добрая половина группы. Кому-то из детей пришло в голову начать кидаться мукой.

Клининг еле справился с загрязнениями. Я уж думала, что придется покупать новый ковер.

На прошлой неделе они забрали из дома хомяка. Посадили его в прогулочный шар, запихали в рюкзак и принесли в садик…

Мне пришлось срочно отпрашиваться с работы и спасать несчастное животное. Как выяснилось, Наталья Егоровна до обморока боится мелких грызунов.

Помимо всего прочего пришлось откачивать воспитательницу. Уже собиралась скорую вызывать, как медсестра подошла. Принесла нашатырь, и мы смогли привести женщину в чувство.

В тот момент я порадовалась, что у нас не живут крысы. Хотя Алиса очень просит белую крысу с длинным хвостом.

— Вот! — Малышки торжественно вручают мне большой пакет.

— Что там? — спрашиваю с ужасом.

— Одежда, наверное, — пожимают плечами.

— Наталья Егоровна? — вопросительно смотрю на воспитательницу.

— Это то, что необходимо постирать в первую очередь, — вздыхает женщина. Заглядываю в пакет и обалдеваю.

— Вы сложили сюда одежду всех детей? — Мои глаза лезут на лоб.

— Не всех. Только тех, кто был испачкан случайно, — строго смотрит на девочек. — Ваши дочери, — пауза. Видимо, подбирает слова. — Кхм, — откашливается. — Смогли найти себе единомышленников. Теперь благодаря их стараниям у нас группа стала зеленого цвета.

Девочки прячутся за меня.

— А где были вы? — интересуюсь. Недаром же я за садик плачу! — Как так вышло, что дети смогли нанести такой масштабный урон детскому саду? Почему вы не остановили их раньше?

— Я уже заведующей все объяснила, — огрызается.

— Пожалуй, я завтра сама к ней зайду, — не собираюсь вестись на подобные манипуляции. — Вам номер клининга, куда я обращалась в прошлый раз, прислать? Они делают свою работу качественно и берут недорого.

Сталкиваюсь с Натальей Егоровной взглядами. Смотрю прямо на женщину, не отвожу взгляд.

— Не нужно, — сдается первой. — Сама справлюсь.

Забираю принцесс, иду с ними домой. Но даже ежедневный маршрут они умудряются пройти с приключениями. По пути малышки измеряют глубину сугробов, несколько раз скатываются с горок, которые образовались после уборки снега с тротуара.

Домой я вместо девочек привожу двух снеговиков.

— Маленькие мои, зачем вы гуашь в детский сад притащили? — интересуюсь у малышни перед сном.

— Мы лето хотим.— Алиса пожимает плечами. — Когда вокруг все зеленое и цветочки, — добавляет мечтательно.

И в этот момент я радуюсь, что они не подумали, чем будут рисовать цветочки. Только про траву догадались.

Хоть в чем-то мне повезло.

Укладываю спать дочерей, ставлю машинку на очередное полоскание, наливаю себе вместо чая вина.

Ипполита попросила сегодня не приезжать, на сегодня разборок хватает. Он злой на меня. Ведь после работы я поехала за девочками, а не осталась его в офисе ждать.

Потом разберусь. Может быть, завтра.

Сейчас же я просто хочу отдохнуть.

Но мой сотовый решает иначе. Он в пятый раз за вечер начинает настойчиво звонить.

— Слушаю, — не выдержав, поднимаю трубку.

— Оля, ну наконец-то! — На том конце провода раздается голос моего старшего брата.

— Давид, привет, — произношу обреченно. Почему-то

чувствую, что наш разговор до добра не доведет.

Наверное, сегодня просто не мой день. Нужно сворачивать разговор, выключать свет и ложиться спать.

Но ведь знаю, мне спаться не будет. Я хочу знать, по какой причине брат снова тревожит меня.

— Что-то случилось? — спрашиваю. Мне становится не по себе. Еще одну плохую новость, боюсь, не выдержу и расплачусь. Я ведь девочка, в конце концов!

Мы разговаривали буквально три дня назад, да и время позднее, у брата Вика беременна. Она должна уже спать. Просто так Дава не стал бы мне сейчас набирать.

— Нам нужно поговорить, — заявляет брат предупреждающим тоном.

— Только не про Макара, — прошу его.

— Именно про него, — отвечает. — Он требует назвать адрес детей.

Глава 4. Оля

— Девочки, пожалуйста, давайте сегодня без выкрутасов, — прошу дочек перед тем, как отправить в группу. — Вашей маме нужно хотя бы одну ночь поспать.

Малышки шкодливо переминаются с ноги на ногу, переглядываются. Что у одной, что у второй хитрющий взгляд.

— Я вам вкусняшку куплю, — пытаюсь их подкупить. Знаю, что так делать не стоит, но я безумно устала, и если сегодня ночью не посплю, то завтра банально не встану. Едва держусь на ногах.

— Какую? — интересуется Алиса, присаживаясь мне на колени.

— Сосиску в тесте, — предлагаю одно из любимых детских лакомств. Алиса смотрит на Лесю, та довольно улыбается.

— Ладно, — кивает. — Мы будем вести себя хорошо, — заверяет. Я выдыхаю. Ура!

— Девочки, берите стульчики и садитесь. Сейчас будем читать сказку.— Наталья Егоровна выглядывает из-за двери.

Другие дети уже вовсю готовятся, они только пришли с зарядки. Мы опоздали. Будильник не сработал, и я проспала.

— Бегите скорее, — целую по очереди дочерей.

Отдаю пакет с постиранными вещами, отправляю девочек в группу и со всех ног спешу на остановку. Я катастрофиче-

ски опаздываю! Если начальница узнает, то порвет меня на куски.

Выскакиваю из калитки детского сада, и мои ноги непроизвольно врезаются в асфальт.

— Смотрю, ты опаздываешь.— Из припаркованной напротив калитки детского сада машины выходит Ипполит. Он держит в руках огромный букет бордовых роз. — Это тебе, — вручает мне цветы. — Прости меня. Я вчера был не прав.

Сказать, что я удивлена, это ничего не сказать. В полном шоке стою и моргаю.

Смоленский не тот человек, который легко и просто признает свои ошибки. Чтобы этого добиться, ему нужно предоставить неопровержимые доказательства.

Что случилось на этот раз?

Хоть я и стараюсь верить ему, но не выходит. Почему-то вновь кажется, что Ипполит собирается жениться на мне по какой-то другой причине, помимо любви.

— Большое спасибо, — выдавливаю, кивая на букет.

— Садись, подвезу, — галантно распахивает передо мною дверь. Задумчиво смотрю то на него, то на машину. Вместе ехать нет никакого желания, но и выбора особого тоже нет.

Я и так уже безбожно опоздала. Если еще ждать автобус или маршрутку, то приеду вообще часам к десяти.

Забираюсь в просторный салон роскошного автомобиля, пристраиваю букет между собой и Ипполитом. Ничего против близости с ним не имею, но обида на него до сих пор не

прошла. Мне не нравится то, как меняется его отношение, и молча проглатывать это все я не собираюсь.

Чем ближе мы общаемся, тем больше нестыковок я вижу, и это отталкивает. Иногда даже начинаю жалеть, что согласилась выйти за него.

Поспешное решение.

Принималось оно еще тогда, когда не было ни споров из-за ограничения моего передвижения,ни тотального контроля с его стороны. Он вел себя совершенно иначе.

А сейчас…

Сейчас мне становится с каждым днем все сложнее. И я в очередной раз задаюсь вопросом, не зря ли согласилась на брак.

— Оленька, ты вчера уехала без меня, — обращается ко мне ласково, но я вижу осуждение в его взгляде.

— У меня дети. Их нужно забирать вовремя, — поворачиваюсь и смотрю мужчине прямо в глаза. — Мы это уже неоднократно обсуждали.

— Одно твое слово —и у детей появится няня, — заключает мою ладонь в свои. — Ты ведь знаешь, ради тебя я готов на все.

— Знаю, — тепло ему улыбаюсь. Как бы зла я на него ни была, он хочет помириться, и я ценю это. — Именно поэтому и дальше буду самостоятельно заниматься воспитанием своих дочерей.

— А если вдруг не получится? Ведь дети —это большая

нагрузка и ответственность, — снова пытается подмять меня под себя.

— Вот тогда и поговорим, — говорю ласково, но твердо. Ипполит подносит мою руку к своим губам, смотрит прямо в глаза. Нежно целует.

— Оленька, я все жду, когда ты назначишь дату нашей свадьбы, — снова напоминает.

Никогда, дорогой!

Но вместо этого снова тепло ему улыбаюсь, убираю свою руку и смотрю в окно. Молчу.

Ипполит не самый плохой кандидат для вступления в брак, но я не уверена, что мне это нужно.

Наверное, просто новость о Маковецком меня взбудоражила, вот я так странно себя и веду. Нужно остыть и успокоиться.

И послать Мака на все четыре стороны! Сволочь он! Ненавижу!

Подъезжаем к офисному центру, Ипполит выходит из авто, открывает передо мной двери. Я «совершенно случайно» забываю букет у него в машине.

Не нужен он мне на работе. Вопросов и обсуждения моей личной жизни и без того хватает за глаза.

Прощаемся. Прошу вечером не приезжать. Ссылаюсь на плохое самочувствие и усталость, Ипполит все понимает и не настаивает.

Мне же банально нужно разобраться в себе. И в тех чув-

ствах, что вновь проснулись и от которых так рвано бьется мое сердце.

Ну Маковецкий! Ну ты и гад!

— Оль, Куропаткина уже на месте. Спрашивала про тебя несколько раз, — шепчет Ксюша, администратор на ресепшен,пока я расписываюсь в журнале о своем приходе.

— Блин, — озадаченно закусываю губу. Я опоздала, и если начальница узнает об этом, то устроит мне взбучку. Ей не объяснишь, почему так вышло. Слушать не станет.

Я проспала, будильник опять не сработал. Видимо, пора менять телефон.

Вчера после разговора с Давидом я никак не могла успокоиться и взять себя в руки. Меня всю трясло от одной-единственной мысли, что в мою жизнь снова хочет вернуться Макар.

Отец моих дочерей. Моя первая любовь и мой первый мужчина. Тот, кто разбил мне сердце и исчез.

— Ольга! — За спиной раздается грозный голос начальницы. Подпрыгиваю от неожиданности. — Ты на часы смотришь? Половина десятого! Где ты была?!

— Упс, — еле слышно шепчет Ксюша, прячась за стойку.

— Я на почту ходила, — вру не моргнув глазом.— Письма отправляла. Курьера же не дождешься, пока выделят, приходится самой, — пожимаю плечами.

На самом деле письма мы с дочками отправили еще вчера, по дороге из сада до дома. Малышкам очень нравится ходить

на почту, они любят рассматривать журналы и прочие мелочи, которые продаются в отделении.

— Отправила? — пристально смотрит на меня. Но уже хотя бы без ярко выраженной злости.

— Конечно, — продолжаю спокойным и уверенным тоном.— Вам трек-номер назвать?

Я отлично умею врать, у меня были самые лучшие учителя. Братья с детства мечтали стать шпионами и вечно в них играли. Я же вынуждена была каждый раз становиться вражеским агентом, и мне приходилось в процессе игры придумывать, на чьей именно я стороне.

Меня ловил то один брат, то другой и устраивал допросы. А потом приходил Макар и вытаскивал меня из передряги. Потому что братья слушали только его.

Родители нас не трогали. Они видели, что дети играют, и не лезли. Хотя порой все же надо было это делать. Несколько раз мы слишком сильно заигрывались и едва не терялись в городе. Играли в погоню и удирали друг от друга на автобусах и велосипедах.

У меня было веселое и озорное детство. Порой вспоминаю его, глядя на дочерей.

Варвара Борисовна не сводит внимательного взгляда, я же пытаюсь не выдать волнения, что заполняет меня. Если она потребует номера отправлений, то сможет проверить дату. И тогда мне конец.

Никого не волнует, что ты после окончания своего рабо-

чего времени продолжаешь выполнять рабочие обязанности. Никого не волнует, что курьеров катастрофически не хватает и нужно увеличивать их штат.

А вот если ты вдруг опоздаешь или уйдешь раньше, то все. Труба.

— Иди на свое рабочее место, — говорит строгим голосом. — Чтобы через два часа у меня на столе был полный отчет по объекту.

— Какому? — удивляюсь. Вчера вечером ничего нового не было, а всю срочную работу я выполнила.

— Увидишь, — заявляет и, огибая меня, подходит к ресепшен. — Ксения, с завтрашнего дня ты мне присылаешь время прихода каждого из сотрудников, — говорит девушке своим вечно недовольным голосом. — Поминутно! Все понятно?

Я вешаю куртку в шкаф и поспешно ретируюсь. Не хочу лишний раз попадаться Куропаткиной на глаза.

Прихожу на свое рабочее место, открываю лежащую на столе папку и хватаюсь за голову. Подготовить заключение по такому масштабному проекту при всем желании за два часа не успеть! Я ведь живой человек, а не аналитическая машина!

Но делать нечего… Нужно все сдать.

Наливаю огромную кружку кофе, включаю компьютер, тяжко вздыхаю и принимаюсь за дело. Времени на что либо еще просто нет.

Глава 5. Макар

— Макс, твоим удалось найти информацию по Ольге Торковской? — интересуюсь у некоего рода коллеги, сидя в кафе.

Максим Майоров отвечает за безопасность офисного комплекса, где мы расположились. Он классный спец и мой старый знакомый, мы в одном взводе служили, а после армии разъехались кто куда.

Макс приехал в этот небольшой городок, я же пошел по совершенно иной дорожке. И если бы не братья Торковские, то уже не было бы меня.

— Мы еще работаем над этим.— Майоров делает глоток кофе и задумчиво смотрит на часы. Стучит по ним, те встали.

— Торопишься? — показываю время на своих. Я немного удивлен, но вида не показываю.

Мы договаривались выпить кофе и все обсудить, а на это требуется время. Очень странно, что Макс собирается уходить.

— Саня Стрелецкий обещал подойти к часу, — кидает взгляд за мою спину. — А вот и он, — приподнимается, пожимает другу руку.

В отличие от Майорова, со Стрелецким я познакомился относительно недавно. Но тут же понял: парень —настоя-

щий спец.

— Здорово, — приветствуем друг друга. Алекс берет свободный стул из-за соседнего столика, пододвигает, присаживается напротив.

— Информация есть? — с ходу спрашивает Макс.

— Есть! — отвечает, доставая из рюкзака папку. Кладет ее на стол.

— Охренеть! У тебя получилось? — удивляется Майоров. Мне не терпится скорее узнать, что же про Ольгу нашли.

— Чехову спасибо скажи! — ухмыляется. — Тот любого из-под земли достанет!

— Ну да.— Макс откидывается на стул. — Антон крут.

Я понимаю, что они обсуждают своего общего знакомого, которого я лично даже не видел. Однако имя Антон Чехов мне кого-то напоминает. Явно не писателя, кого-то еще, но как я ни пытаюсь напрячь память и вспомнить, ничего не выходит.

— Держи.— Алекс протягивает мне папку с документами. — Я отойду, — кивает на стойку. — Если Тоня узнает, что я был у Забавы и не привез им с детворой пирожков, она меня четвертует!

— Неудивительно, — ухмыляется Майоров. — Особенно зная, кто ее брат.

— Ну тебя, — беззлобно отмахивается Алекс, отходит в сторону стойки с выпечкой и кассой.

— Кто? — Мне становится интересно.

— Тоха Чехов, — улыбаясь отвечает Максим.

Видимо, мои мысли по этому поводу ярко написаны на лице. Потому что Майоров начинает смеяться.

— Там все сложно, — отвечает предвещая мой вопрос. — Поверь, если бы Антоха знал, что они замутили, то кастрировал бы Санька.

— Но поскольку все выяснилось, когда у Тони от меня было уже двое детей, то кастрировать было поздно.— Стрелецкий ставит кружку с капучино на стол.

— Что-то я не вижу горы пирожков, — не унимается Макс.

— Прикинь, Забава в больнице, — ошарашивает новостью Алекс. Удивленно смотрю на него. Я утром видел Марка, все было в порядке.

— Надеюсь, ничего серьезного, — озвучивает мои мысли Максим. Закончу все здесь и зайду к Ермолаеву, пусть колется, что у него с невестой случилось.

— Ты уже прочитал? — Алекс кивает на папку, что держу в руках.

— К себе вернусь сначала.— Изучать подобного рода информацию предпочитаю в спокойной обстановке, без суеты и спешки. Я слишком долго ждал. Еще немного подожду.

— Обрати внимание на личность ее жениха, — говорит Стрелецкий. — Весьма скользкий тип.

— Жениха? — Оля замуж собралась? Как интересно…

— Свадьба через полтора месяца .— Алекс обозначает

сроки. — Так что я бы на твоем месте поторопился.

— Тороплюсь, — ухмыляюсь, предвкушая реакцию Оли на нашу скорую встречу. — Торковским не говорите о том, что выяснили, — прошу парней.

— Я не собираюсь влезать в ваши семейные разборки, — умывает руки Майоров.

— Дава и Тор не дураки. Они прекрасно понимают, что ты найдешь Ольгу.— Стрелецкий смотрит на вход в кафе. — А вот и Давид. Легок на помине.

Поворачиваюсь и вижу друга. Он кивает нам в знак приветствия, говорит что-то Вике и направляется в нашу сторону.

— Обедаете? — внимательно смотрит на нашу компашку. Дава не дурак, прекрасно понимает, для чего мы все собрались.

— Что ж нам еще делать? — ухмыляется Майоров. — Заработались. Проголодались.

— Оно и видно.— Торковский не отрывает взгляда от папки, что лежит на столе. — А это, должно быть, меню? — тянет к ней свои руки. Я в последний момент успеваю столь ценную улику убрать.

— Это конфиденциальная информация, — отрезаю.

— Да ладно? — выгибает бровь. Он обо всем догадался.

— Именно, — сверлим друг друга свирепыми взглядами.

— Отойдем, — показывает чуть в сторону,— поговорим?

Обстановка накаляется с каждой секундой. Дава не в вос-

торге от того, что я в курсе про Олю, а я уже начинаю жалеть, что не успел прочитать принесенный Алексом материал.

— Добрый день.— К нам подходит Вика. Она, сама того не зная, спасает ситуацию. — К вам можно? — улыбается.

— Конечно, можно! — Майоров поднимается, двигает стул так, чтобы Вика и Давид могли сесть.

Я быстро допиваю кофе, прощаюсь с друзьями и спешу убраться отсюда как можно быстрее. Мне нужно успеть прочитать все до того, как ко мне в кабинет ввалится Дава. Он не успокоится, пока не вынесет мне мозг.

Выхожу из булочной Забавы, спешу в офис, но в самый последний момент сворачиваю на парковку. Сажусь в свое авто, трогаю с места.

Пусть Давид переворачивает весь город! Мне пофиг! Нечего было скрывать Олю и детей от меня!

Останавливаюсь на первом светофоре, открываю папку, оттуда падают фотографии. Поднимаю, присматриваюсь. Дочки… У меня две прелестные дочери!

Мои хорошие… Не могу отвести глаз от своих принцесс.

Сзади сигналит стоящая за мной машина, на светофоре зеленый. Откладываю фото в сторону и давлю на газ.

Олечка, ты замуж собралась? За говнюка последнего? Можешь даже не пытаться! Я не позволю тебе совершить самую ужасную ошибку в своей жизни. Ни один гад и близко не подойдет к моим дочерям!

Нахожу адрес, читаю. Губы расплываются в довольной

улыбке.

Да ладно?! Я и подумать не мог, что все окажется настолько легко!

Давлю на газ. Ускоряюсь.

Сотовый разрывается от звонков.

Глава 6. Оля

— Не хочу! Не буду! — топает ножкой Алиса, откидывая куртку в сторону. Я терпеливо ее поднимаю с пола.

— Нужно одеваться, — обращаюсь к дочери. — За нами скоро приедут.

Но малышка не отступает. Она скрещивает руки на груди и отворачивается в сторону. Обиделась, не смотрит на меня.

Растить дочерей без отца тяжело, и, если честно, я еле справляюсь. Если бы не помощь мамы, то не представляю, что было с нами сейчас. Работа, кружки, детский сад, болезни… Проблемы наваливаются и нарастают, как снежный ком. В одиночку не разобрать.

Мама в первые месяцы после родов приехала ко мне на помощь, затем братья купили ей квартиру в соседнем подъезде, и она осталась жить здесь. Мы вместе занимаемся девочками, но живем врозь.

Олеся и Алиса —замечательные, добрые малышки. Но как упрутся, так хоть вой. С места не сдвинуть и не переубедить. Эх…

Был бы у них отец, все могло быть иначе. Но увы и ах, его нет.

Макар оказался самым последним козлиной, а Ипполита девочки не принимают. И что с этим делать, я просто не представляю.

Подхожу ближе к доченьке, смотрю на нее сверху вниз и вздыхаю. Иногда договориться с девочками становится просто нереально тяжело.

Две маленькие упрямые барашки. Как в голову втемяшится что-то, так вовсе труба.

— Принцесса моя, — присаживаюсь так, чтобы наши глаза оказались на одном уровне. Вочередной раз хочу до нее достучаться: мой будущий муж малышкам вовсе не враг.

— Ипполит очень ждет нас в гости. У него много игрушек, — пытаюсь уговоритьмалышку. — Даже крокодил есть, — заговорщицки подмигиваю.

— Не хочу! — продолжает упираться. По глазам вижу, что скоро расплачется.

Раздражение так и рвется наружу, но я старательно сдерживаю его. Срываться на детях нельзя.

Держать себя в руках очень непросто. Особенно после сложного рабочего дня и впреддверии важного разговора со Смоленским.

Я долго думала и поняла, что свадьбу нужно будет перенести. Не лежит у меня душа к поспешному браку.

За последнее время вокруг нас слишком много странных совпадений иглупых нестыковок. И если раньше я все сбрасывала со счетов, ведь всякое можетслучиться, то наша последняя встреча в торговом центре на многое мне открыла глаза.

Ипполит врет. Причем давно и очень складно.

Я не верю, что тогда с ним была сестра. Это кто-то такой, кого я не должна видеть ипро кого не должна была узнать.

На ум приходит только одно, если честно.

— Я тоже не хочу никуда ехать.— Олеся печально вздыхает, смотрит на меня с мольбой. — Мамочка, давай другого папу найдем. Нам не нужен папа Полит.

От слов дочерей сердце сжимается, а в горле образуется ком.

— Оль, оставь их со мной.— В разговор вмешивается мама, выходя из детской.— Нечего девочек к Смоленскому тащить, — говорит с пренебрежением.

Мама тоже не нравятся мои отношения с Ипполитом. Она утверждает, что он гнилой человек.

— Мам, — снова вздыхаю. Рядом с ней скрывать раздражение получается еще хуже.— Они ведь должны привыкать.

— Они ничего никому не должны, — подходит ближе и как бы ненароком закрывает малышек собой. — Это ты должна, Оль, — говорит еле слышно. — Любить и заботиться о них.

— Что я и делаю, — шиплю на нее.

— Можно с бабушкой остаться, — принимаются верещать с обеих сторон. — Пожалуйста! Ну, пожалуйста!

Закатываю глаза.

А-а-а-а! Да что же это такое?! Все против меня.

— Раздевайтесь, — сдаюсь. — Останемся дома.

Квартиру наполняет счастливый детский визг.

Малышки наперегонки скидывают с себя сапоги, снимают теплые кофты и брюки, бегут в комнату и закрывают дверь.

— Оля, не нужен тебе Смоленский. Поверь мне, — настаивает мама. — Зря за него замуж собралась.

— Мы уже неоднократно обсуждали это, — цежу сквозь стиснутые зубы. — Выйти замуж за Ипполита не худший вариант, — бросаю на нее многозначительный взгляд. — Согласись.

— Но и не лучший, — парирует с улыбкой, отчего завожусь еще сильнее.

— Давай прекратим этот бессмысленный спор, — прошу ее. — Я уже взрослая. Разберусь.

Обхожу маму стороной. Иду на кухню, хочу заварить себе чай и немного подумать. Как ни крути, но мама и девочки не просто так бастуют. Может быть, все же я не права.

Мама идет следом за мной.

— Ты братьям о нем говорила?— не успокаивается.

— Нет, — отвечаю коротко. Ну не хочу я это все сейчас обсуждать!

Делаю глубокий вдох пытаясь немного успокоиться и взять себя в руки. Понимаю, что мама хочет как лучше и она не со зла. Но блин! Бесит!

— Оль, — вновь начинает.

— Не надо! — прошу ее, выставляя руки вперед. — Мам, я сама разберусь, — пауза. — Пожалуйста, не лезь!

Она смотрит на меня не моргая, молча вздыхает, разворачивается и уходит.

чивается и выходит из кухни. Сажусь на стул, ставлю на стол локти и опускаю голову. Как же я от всего этого устала. Как же хочется, чтобы меня оставили в покое!

Телефон звонит. Достаю его из кармана, не глядя принимаю вызов. Мне не нужно смотреть на экран, чтобы знать, кто звонит.

Ипполит. Он приехал. И будет просить спуститься.

— Сейчас спущусь, — говорю обреченно.

— Ты всегда так отвечаешь, когда звонят с незнакомого номера? — В динамике раздается знакомый до боли голос. Сердце пропускает удар.

— Мак? — произношу на выдохе.

— Ты ждала кого-то другого? — слышу усмешку. Внутри все начинает дрожать. — Спускайся. Поговорим.

Глава 7. Макар

Въезжаю в свой старый двор. Сердце слишком быстро стучит в груди, каждый сантиметр пространства пронизан ворохом воспоминаний.

Торковские проявили чудеса изобретательности, спрятав Олю здесь. Ведь знали, что я даже никогда бы не подумал искать ее под своим носом.

Заворачиваю за угол дома, останавливаюсь напротив подъезда. Ох, сколько всего было пережито здесь!

Выхожу из авто, закуриваю. Мне нужно хоть немного успокоить расшатанные нервы, я не хочу показывать Оле свой гнев.

А ведь я зол! И очень сильно.

Хрен с ним, на звание лучшего отца я не претендую. Но можно же было сказать, что беременна. Я хоть и сволочь, но не настолько, чтобы бросить собственных детей.

Да, после гибели жены я потерял ориентир, связался с опасными людьми и чуть жизни из-за этого не лишился. Новость о том, что у меня есть дети, заставила выкарабкаться из той ямы, в которой я оказался, и позволила дальше жить.

Но блин! Этого всего могло просто не быть! Оле нужно было просто сказать мне о детях.

Делаю глубокую затяжку, дым встает в горле колом. Приходится прокашляться, лишь после этого начинаю нормаль-

но дышать.

Вместо успокоения получаю еще большее раздражение. В сердцах выкидываю практически целую сигарету в урну. Не курил и не нужно начинать, бросить слишком сложно, а проблем со здоровьем и вовсе не оберешься.

Смотрю на горящие окна в доме. Отсчитываю этажи, пытаюсь понять, где Олино окно.

Мне приходится напрячь память, чтобы это выяснить. Накатывают воспоминания…

Рядом со мной раздается собачий лай. Поворачиваю голову и вижу, как мальчонка лет десяти пытается удержать здорового пса, а тот так и норовит сигануть за пробегающей мимо кошкой.

Каким местом думают родители, отпуская детей с крупной собакой на улицу одних? При всем своем желании ребенок не сможет остановить пса при необходимости.

К ребенку подбегает отец. Рявкает на псину, забирает у ребенка поводок, и во дворе тут же наступает порядок.

Мужчина хвалит сына, треплет по голове, затем приобнимает, и они вместе идут по направлению к соседскому дому.

Ловлю себя на мысли, что тоже так хочу.

Провожаю отца и сына взглядом. Возвращаюсь в машину.

На сотовом масса пропущенных от Давида и Тора. Должно быть, парни вне себя от бешенства, и я их отлично понимаю. Дава снова звонит.

— Слушаю, — поднимаю трубку.

— Мак! — рявкает друг. — Только попробуй к ней приблизиться! Укатаю! — Он нереально зол.

— Поздно, — произношу с едкой усмешкой. Оле не спрятаться от меня. — Я уже приехал.

— Ты охренел? — В голосе Давида неверие и шок. Представляю, как он места себе не находит, и от этого на душе становится еще слаще.

Нефиг было столько времени прятать от меня сестру и моих детей! Я не намерен оставаться в стороне и собирать по крупицам сведения об их жизни!

— Это ты охренел, когда отказался говорить адрес! Я из-под земли ее достану! Слышишь? Мои дети узнают, КТО их настоящий отец! — перестаю сдерживаться. Меня несет.

С одной стороны, пусть лучше я вылью все накопленное дерьмо на лучшего друга.

— Да блин! Ты не понимаешь! — рычит Дава. — Оля сама сбежит от тебя! Как только моя сестра поймет, что ты замаячил на горизонте, она тут же ноги сделает. Думаешь, я не прав?

— Кто ж ей позволит, — усмехаюсь. — Не переживай, друг. Оля в надежных руках.

Только произнеся мысли вслух я понимаю, насколько они правдивы. Торковская может пытаться удрать от меня, сколько захочет.Отыскав девушку с такими усилиями, я не готов ее вновь потерять.

— Номер есть? — Давид сдается. Друг понял: я принял

решение и больше не отступлю. — Или ты сразу в квартиру собираешься вламываться?

— Есть, — кручу перед глазами одиннадцать цифр. Мне даже не нужно напрягать память, чтобы их запомнить. И без того запоминаются легко.

— Ну ты даешь, — произносит с ухмылкой. Злость у него, как и у меня, прошла.

— Что именно? — Мне становится интересно.

— Что-то ты ее слишком долго искал, — выдает то, после чего вновь хочу его треснуть.

— Ты вконец охренел! — Блин! Пусть радуется, что находится на расстоянии. Прибить его мало за подобные фокусы. —Намеренно спрятал ее в старом дворе? — спрашиваю уже немного остыв.

— Она сама так решила, — отвечает уклончиво.

Мда… Зашибись!

— Ладно, фиг с тобой. Живи, — усмехаюсь.

— На этой неделе в офисе можешь не появляться, — говорит уже более добродушно. Еще немного —и начнет надо мной стебаться. Не друг, а самый настоящий гад! — Олю не трогать! Иначе без трогалки останешься! Все понятно?!

— Конечно-конечно, — начинаю ржать.

Один раз уже тронул. Правда, не помню об этом.

Жаль.

Прощаюсь с Давидом, завершаю вызов. Смотрю на написанные на бумаге цифры и кручу в руках телефон.

Пора звонить. Хватит тянуть кота за причинное место. Пора возвращаться в жизнь Оли и знакомиться с дочерьми.

Набираю уже выученный наизусть номер, готовлюсь к длительному ожиданию, но не тут-то было.

— Сейчас спущусь.— В динамике раздается уставший до невозможности голос.

Хм… Интересно, и кто же нас до подобного состояния довел?

— Ты всегда так отвечаешь, когда звонят с незнакомого номера? — ухмыляюсь. Сдержать едкую улыбку не получается.

— Мак? — шепчет ошарашенно. Я даже на расстоянии чувствую, как сильно она удивлена.

Уверен, сделала шаг назад и схватилась рукой за стену, чтобы удержать равновесие. Оля всегда была впечатлительнее, чем мы все.

— Ты ждала кого-то другого? — Сарказм так и прет из меня. Не удержаться. Да нужно ли? Я не ангел и не собираюсь им казаться, пусть уж получает, что есть. — Спускайся. Поговорим.

— Я занята.— Оля тут же пытается избежать разговора. Как все знакомо… Словно в прошлое попал.

— Зато я свободен, — предупреждаю. — Не выйдешь на улицу через пять минут, сам поднимусь!

Глава 8. Макар

Смотрю на часы. Уже прошло четыре минуты, а Оли по-прежнему нет.

Зараза! Ведь знает же, что я приду!

Нетерпение перекрывается недовольством. Мне приходится вспоминать все, чему я учился на тренингах по управлению гневом, ибо сдерживать наступающую ярость сложно просто трындец!

Оля, не усложняй никому из нас жизнь и просто спустись. Спокойно поговорим и разойдемся. Если же я поднимусь, то нафиг квартиру всю разнесу.

Сдержаться не получится, я ж не железный.

Только вот, судя по всему, Оленька появляться у меня на глазах не желает. Отлично, блин! Пофиг! Сам поднимусь.

Пусть потом не верещит. Я давал ей шанс нормально поговорить.

Выхожу из авто, широким шагом направляюсь в сторону подъезда. Дергаю дверь, чтобы открыть, но в этот момент звучит сигнал домофона. Дверь распахивается, и Оля со всего размаху утыкается мне прямо в грудь.

— Ой, — отскакивает назад. — Извините, — говорит машинально. Внутри рождается давно позабытое чувство. Оно просыпается исключительно рядом с ней.

Смотрю на стоящую передо мной девушку. Дыхание пе-

рехватывает. Красивая…

— Ты решила со мной общаться на «вы»? — не могу сдержать колкость.

Я всю жизнь подтрунивал над девчонкой, а она реагировала на каждый мой выпад. Краснела, стеснялась, избегала встречи, а потом мы так или иначе снова встречались, и все начиналось сначала.

Так и на этот раз.

Мы не виделись несколько лет, а между нами ничего не поменялось. Чувства остались все те же. Мне так и хочется ее укусить.

Оля поднимает голову, встречается со мной взглядом. В ее глазах читаются страх и гнев. Делает шаг назад, нога попадает на металлическую перегородку дверного проема и подворачивается. Девушка летит вниз.

Кидаюсь вперед, реакция у меня молниеносная, оттачивалась много лет. Успеваю подхватить ее буквально в сантиметре от пола. Обхватываю руками за талию и придерживаю затылок, чтобы не ударилась головой. Прижимаю к себе.

Хрупкая. Аккуратная. Миниатюрная. В своей легонькой курточке Оля, словно кукла, стройна.

Снова свербит в груди. Вновь накатывают воспоминания…

Не успеваю в них погрузиться, как щеку пронизывает острая боль. Охреневаю, брови подлетают наверх.

— Сволочь! Гад! Ублюдок! — Нежной и ласковой девоч-

ки след простыл. Не успев подняться на ноги, Оля кидается на меня. — Ненавижу тебя! Ненавижу! — кричит на весь двор.

— Вот и поговорили, — негромко произношу. Я пока пребываю немного в шоке от ее поведения. Вообще не готов был к подобному.

Торковская всегда была острой на язык, но не истеричкой. А сейчас она ведет себя явно не как всегда.

— Убирайся отсюда! — вновь пытается кинуться на меня.

— Воу-воу, полегче! — обращаюсь к ее здравому смыслу, но Оля за гневом не слышит меня.

Она превратилась в мегеру, что так и норовит выцарапать мне глаза или ударить как можно больнее. Того и гляди пинаться начнет.

Твою бы энергию, да в другое русло… Ох, там был бы настоящий огонь!

Хватаю Олю за руки, не позволяю ей расцарапать свое лицо. Мне еще на работу ходить, и светить разукрашенным фейсом нет никакого желания. Представляю, как будут глумиться Макс и Дава, если Оля все же доберется до меня своими острыми коготками.

Единственное, что я позволю себе расцарапать, так это спину. И только потому, что лежащей подо мной девушке будет несказанно хорошо.

Кажется, однажды мы это уже проходили. Жаль, что я толком ничего не помню про ту ночь. Зато помнит она.

Вытаскиваю брыкающуюся девушку на улицу, применяя силу, веду к своему авто и запихиваю в салон. Сам залезаю следом.

— Ненавижу тебя! — шипит разъяренной кошкой. Вновь пытается пощечину влепить. Опережая удар, перехватываю занесенную ладонь, подношу к губам, но не целую. Просто держу и смотрю Оле в глаза.

Она вся пылает от гнева.

— Это мы уже слышали, — держу ее руки в своих. Опускаю, но не отпускаю. Так будет безопаснее для каждого из нас.

— Отпусти, — дергает кисть, пытаясь вырваться. Не позволяю.

— Чтобы ты в меня чем-нибудь зарядила? — вопросительно выгибаю бровь, ухмыляюсь.

Оля недобро щурится.

— О, это я с удовольствием! — не скрывает свою злость. — Жаль, нечем, — осматривает автомобильный салон.

Девушка задерживает взгляд на стаканчике с еще не остывшим кофе, что стоит в подстаканнике. На заправке купил по дороге.

Губы расплываются в довольную ухмылку. В глазах появляется азарт.

Я прекрасно вижу ход ее мыслей.

— Не стоит этого делать, — предупреждаю.

— А то что? — поворачивается ко мне, смотрит провока-

ционно.

— По жопе надаю, — говорю открыто и прямо. — Мы уже это как-то проходили. Не раз, — напоминаю бурное прошлое. — Повторить хочешь? — говорю совершенно серьезно.

Оля краснеет. Приходит в себя.

Все-таки совместные воспоминания —хорошая вещь. Особенно когда есть что вспомнить.

Жаль, только нашу ночь помню урывками. Но зато какие это урывки… М-м-м!

— Что тебе нужно? — спрашивает уже совсем иным тоном. Запал и ненависть испарились, как и не бывало. На их место пришла вселенская боль.

Оля поняла, что я не шучу и со мной ругаться нет смысла. Я не изменился. Если уж что-то решил, то будет так, как говорю.

— Сама как думаешь? — не свожу с нее взгляд. Хочу услышать правду про дочерей от нее самой. Для меня это важно.

— Ты не посмеешь! — ахает. Голос дрожит.

— Проверим? — вопросительно выгибаю бровь. — Я весь в ожидании, — не свожу с девушки взгляд. Ее глаза становятся огромными от ужаса. — Говори.

Молчит. Я тоже.

Безотрывно смотрим друг на друга. Между нами происходит молчаливый диалог, и это хорошо, что мы не произ-

носим ни звука. Иначе перья и пух полетят.

Обстановка вокруг нас накаляется до предела. Если протянуть руку, то можно почувствовать пульсацию в воздухе. Искры летят.

— Ну так что? — сверлю ее взглядом. — Ты скажешь мне правду? Или мне начинать тебя пытать?

— Ты не посмеешь, — шепчет отшатываясь. Не отпускаю.

— Давай проверим, — рычу напирая на нее. Дрожит. — Ты посмела скрыть моих детей и ждешь, что я тебя по головке поглажу? — нависаю над Олей. Она вжимается в сидение, дышит через раз. — Ну?! — рычу. Ярость клубится. Сдерживаться не выходит, эмоции оказываются сильнее.

Мимо нас проезжает машина. Останавливается напротив подъезда. Красные фары горят, освещая салон.

Боковым зрением замечаю, как из тачки выходит мужчина, поправляет куртку. Но его личность меня не интересует, я в Оле весь.

— Ипполит, — шепчет Торковская,глядя мне за спину. Вжимается в спинку так, чтобы подъехавший не заметил ее.

— Кто? — хмурюсь. Свожу вместе брови. Поворачиваю голову, следуя за испуганным взглядом девушки, вижу недовольную рожу старого знакомого. Он стоит, облокотившись на авто, и кому-то яростно пытается дозвониться.

У меня рядом с бедром вибрирует телефон.

— Ты издеваешься? — не скрываю своего раздражения. — Ты хоть знаешь, кто это такой?!

— Ипполит Смоленский, — заявляет, горделиво приподнимая подбородок. Во взгляде бушует самый настоящий ураган. — Мой будущий муж!

Глава 9. Макар

Слушаю ее и поверить ушам не могу. Будущий муж? Смоленский? Не позволю!

Смотрю на Олю.Вроде не дура. А ведет себя, как самая настоящая идиотка! Чего ей не живется спокойно? Не могла нормального мужика найти?

Это ж надо было додуматься и со Смоленским замутить. Слов нет.

— Замуж за него собралась? — показываю на названивающего Торковской мужчину. — Ага, как же! — заявляю, не пряча злости.

Новоявленный жених —ублюдок тот еще. Он имеет плотную связь с преступным миром, но вместе с тем всегда остается в тени. Хладнокровный убийца. Жестокий до холода по позвоночнику. Его руки по локти в крови.

Если бы я не имел возможности пообщаться с ним лично, то этого факта никогда бы не узнал. Юридически Смоленский чист. Ведет такой образ жизни, что не докопаешься. Он выполняет все свои манипуляции исключительно через очень надежных людей.

Продуманный до жути. Последний ублюдок!

Проверку на «надежность» проходит не каждый. А тот, кто прошел, оказывается под пристальным вниманием его цепных псов.

Смоленский —крайне опасный и влиятельный противник. Идти против него равносильно добровольному подписанию смертного приговора.

Но я не могу позволить, чтобы он приблизился ни к моим дочкам, ни к Оле. Я все равно буду сильнее.

— Еще скажи, что он в курсе, от кого у тебя дети, — говорю как бы ухмыляясь, а сам мысленно молюсь. Ублюдок ни в коем случае не должен знать, что дочери Оли от меня.

Если узнает, то ни за что не отпустит. Похищение людей вполне в его стиле.

Нужно срочно забирать к себе Олю!

— Да пошел ты! — цедит сквозь зубы. — Еще я перед тобой не отчитывалась!

Хорохорится. Торковская, ты, блин, как всегда!Довыделываешься ведь! А мне придется снова тебя спасать. Заделался персональным спасателем на свою голову.

— Время идет, а мужиков нормальных ты выбирать так и не научилась, — печально констатирую факт.

Мне даже не нужно напрягать память, чтобы вспомнить ее бывших, которым пришлось объяснять, что с Олей не стоит завязывать отношений, если хочется лишь поиграть. Сколько парней мы с Давой и Маратом отправили восвояси! Веселое было время.

— Как и ты женщин, — говорит, с вызовом глядя на меня.

Сжимаю зубы до скрежета.

Намекать на мою неудавшуюся семейную жизнь довольно

низко. Особенно если учесть, что любовником моей жены стал ее брат.

Марат переспал с Алей по пьяни, а потом она вновь к нему пришла. О том, что друг отшил мою жену, я узнал через несколько лет. Когда чуть не лишил его жизни.

Хорошо, что ничего непоправимого не произошло.

— Бери трубку, — протягиваю Оле сотовый. — Говори, что между вами все кончено. Требуй, чтобы больше не приезжал, — наседаю на девушку. Если она так сделает, то обойдемся меньшим из зол.

Если же заартачится…

— Не буду ничего ему говорить! — встает в позу. Скрещивает руки на груди, отворачивается. Кусает губы.

— Будешь! — напираю.

— Нет! — взгляд пылает. — Ты мне не указ!

Ах так? Ну окей.

— Малышка, ты не против того прешь, — произношу, безотрывно глядя ей прямо в глаза. — Когда очухаешься, будет поздно.

— Тебя забыла спросить, — цедит едко.

Мне приходится быть спокойным за нас двоих. И здравомыслящим тоже.

Если Оля не расстанется со Смоленским добровольно, то придется вмешиваться. А если я вмешаюсь, то ничем хорошим ни для кого из нас это противостояние не закончится.

— Оля, в последний раз тебя прошу, — вновь обращаюсь

к девушке. Взываю к здравому смыслу. — Расстанься с ним. Сейчас.

— Нет! — бурчит со злостью. Опять она все делает наперекор.

Да что ж за упертая овечка! Торковская, твою мать!

— Нет? — сужаю глаза, мое терпение подходит к концу.

Даже спустя столько времени Оля по щелчку продолжает выводить меня из себя. Мы как лучина с огнем и факел, оказываемся рядом и сжигаем друг друга дотла.

Малышка, если ты считаешь, что я позволю совершить тебе самую страшную ошибку в своей жизни, то глубоко ошибаешься.

— Считаешь себя самой умной? — смотрю на нее. — Ну-ну… — ухмыляюсь недобро. — Умничай там, где тебе самое место.

— И где же? — спрашивает с едкой усмешкой на лице. — На кухне?

— Не только, — отвечаю спокойно. — В воспитании детей, например.

— Ага, — горько смеется. — Еще в постели скажи.

Так смотрит на меня… В груди колет.

— Ну здесь придется учитывать желания нас двоих.

Оля снова вспыхивает, как спичка.

— С тобой? Да никогда! — Ее взгляд пылает праведным гневом.

— Это мы уже проходили, — наклоняюсь вперед. Врeза-

юсь в ее личное пространство. — Тебе было хорошо со мной. Не отпирайся, — шепчу на ухо. Оля дрожит. — Так что мы обязательно еще повторим, — заверяю.

— Никогда! — вспыхивает.

— Посмотрим, — ухмыляюсь. Киваю на Смоленского. — Расставайся с ним. Немедленно!

— Да пошел ты! — говорит со злостью.

— Значит, по-хорошему не хочешь, — произношу устало.

— Нет! — снова закрывается от меня.

— Значит, быть войне, — пожимаю плечами. — Сама напросилась.

Не позволяю больше сказать ни слова. Отстраняю девушку от себя, выхожу из авто и тут же блокирую двери. Посидит внутри, ей полезно.

Если она считает, что я позволю ей выйти замуж за этого судака, то глубоко ошибается! Это еще ни Дава, ни Марат не в курсе об истинном бизнесе их родственничка на перспективе.

— Сиди тихо и чтобы ни звука, — говорю жестко.

— Ненавижу! — кричит. Я тут же захлопываю пассажирскую дверь.

Глава 10. Оля

Кидаюсь вперед, пытаюсь открыть дверь, но Макар ее заблокировал. С другой стороны дверь тоже оказывается заперта.

— Ненавижу тебя! Сволочь! Гад! Ненавижу! — Злость так и льется из меня.

Я так надеялась, что Маковецкий навсегда исчез из моей жизни. Так старалась его отпустить и забыть. У меня только недавно перестало сердце болеть при упоминании его имени.

Но нет же! Он появляется! В самый неподходящий момент!

— У-у-у-ух! — со всей силы дергаю ручку. Только это все бесполезно. Замок не поддастся.

Хоть окно выбивай, вот серьезно!

Представляю, как это будет выглядеть со стороны, и начинаю хихикать. А потом меня накрывает истерический смех.

Я смеюсь до колик в животе, меня просто сминает. Сгибаюсь пополам и продолжаю смеяться.

Не остановить.

Маковецкий, ты самый настоящий козлина. Вот кто ты!

Переспал со мной тогда в клубе, а наутро исчез. Конечно, понимаю, что мы ничего друг другу не обещали. Каждый из нас был согласен на близость, мы взрослые люди, можем сами решать, где и с кем спать.

Но блин! Я оказалась беременной! После первого раза! А Макар от меня отказался… Просто послал…

Я ведь звонила ему,просила о встрече. Хотела рассказать про малыша и про то, что решила рожать.

Беременность —это жизнь. Даже на маленьком сроке! Я без раздумья приняла решение. Аборт для меня не вариант.

Все мои попытки встретиться игнорировались. Мак просто взял и резко исчез.

Я терпеливо ждала. Надеялась, что Маковецкий вернется. Верила, что он появится. Ведь это же Мак! Самый смелый и самый надежный на свете человек.

Но как же я ошибалась… Во всем.

Он не вернулся.

Все, чего я была удостоена, это одно короткое и емкое сообщение:«Отстань от меня!»

Смех прекращается, на его место приходит опустошение. Молча смотрю вперед, за лобовое стекло.

Мак разговаривает с Ипполитом.

Я даже на расстоянии вижу, насколько непростой и напряженный разговор между ними. Маковецкий напирает, Смоленский не уступает. Кошмар…

Прячу лицо в ладонях.

Мои нервы не выдерживают подобного напряжения, голова начинает кружиться, дышать становится тяжело. Грудную клетку словно сдавило тисками, пытаюсь успокоиться, но тревога лишь набирает обороты. В панике озираюсь по

сторонам, делаю очередную попытку выйти из автомобильного салона. Сердце слишком быстро стучит.

Только не сейчас. Только не это!

Я ведь не справлюсь с приступом, если меня накроет!

А-а-а-а! Блин! Блин!! Бли-и-и-ин!

Бью по оконному стеклу, дергаю ручку двери, нажимаю на всевозможные кнопки, до которых только могу дотянуться. Все бесполезно.

Опускаю голову, упираюсь лбом в спинку переднего сидения, закрываю себя руками от внешнего мира, сжимаюсь в комок. Дышу.

Мне снова становится плохо, и я банально не знаю, что с этим делать. Врачи обследовали меня вдоль и поперек и развели руками. Никто ничего так и не смог сказать.

Благо с наступлением беременности приступы прекратились, и я смогла нормально и спокойно жить. До сегодняшнего вечера.

Тело охватывает дрожь, холодный пот липкими щупальцами скользит по коже. Страшно до невозможности, успокоиться не удалось.

Закрываю глаза, заставляю себя думать о дочках. Они дома, в безопасности. Делаю мучительно медленный и глубокий вдох.

Панических атак у меня не было уже очень давно, но как действовать во время приступа, я помню прекрасно. Такое не забывается. Увы.

Фокусирую сознание на мыслях о девочках, заставляю себя вспомнить их расписание. Я как раз хотела проанализировать и понять, потянем ли мы с ними еще пару кружков.

Дышу. Не позволяю страху прорваться сквозь выстроенную мной оборону.

Вдруг начинаю тихонечко петь.

Атака медленно, но отступает. Каждый новый вдох дается свободнее и проще, боль в груди уменьшается, сердце, наконец, находит свой ритм.

Рядом со мной открывается дверь. Поворачиваю голову в сторону.

— Выходи! — рычит Мак.

Смотрю на него пустым, безликим взглядом. После приступа у меня не осталось эмоций, я опустошена.

— Зачем? — спрашиваю, а сама тем временем принимаюсь разглядывать мужчину. Не хочу принимать его гнев на себя.

Мне одного короткого взгляда достаточно, чтобы увидеть. Мак взвинчен до предела. Ипполит чем-то Маковецкого достал.

— Выходи, я сказал! — рявкает еще сильнее и громче.

Мда. Макар зол настолько, что не может сдержать себя.

Не спеша вылезаю из салона автомобиля, встаю перед мужчиной. Молчу.

Я веду себя как бездушная кукла. Скажет поднять руку— подниму.

Мне сейчас на Маковецкого по барабану. Пусть хоть топает ногами иорет с пеной у рта.

Ипполит уехал. Звонки прекратились.

Мда.

Вот и появился уважительный повод избежать ненужной свадьбы. На этот раз моя интуиция оказалась права, когда противилась отношениям с мужчиной.

Только на Маковецкого это не распространяется, блин! Стоит Макару появиться рядом, и внутри все начинает парить от счастья, я испытываю трепет и небывалую легкость.

Подобного не было ни с кем другим.

— Где мои дочери?! — напирает.

— А кто сказал, что ты их отец? — вопросительно выгибаю бровь. Между нами была лишь одна ночь. Он мой первый и единственный мужчина. И посмел об этом забыть! — Может, у меня помимо тебя была куча любовников? Сразу после тебя я еще с десятком мужиков переспала!

— Ты что несешь? — Мака трясет. Он вне себя от злости.

В глубине всегда внимательных глаз появляется лед.

— Мои дочери не от тебя! — заявляю не моргнув и глазом. — Ты никто, и нечего тут командовать. Ясно? Я уже взрослая и со своей жизнью могу разобраться САМА!

— Можешь втирать это кому угодно.— Маковецкий опасно щурит глаза. От его взгляда мурашки по телу. — Тебе меня не обмануть. Я их отец! Я знаю правду!

Мак дергает меня на себя, упираюсь руками в мощную

грудь. За моей спиной захлопывается дверца машины.

— Говори! Кто отец твоих дочерей?! — Ярость Мака настолько сильна, что воздух вокруг нас вибрирует. Я вместе с ним начинаю дрожать.

— Это не ты! — стою на своем. — У тебя проблемы с зачатием. Твоя погибшая жена еще при жизни рассказала мне об этом, — применяю запрещенный прием. И тут же жалею об этом.

Макар делает резкий и глубокий вдох, крепко сжимает кулаки, желваки ходят ходуном на скулах мужчины.

— Она не могла тебе об этом сказать.— Его взгляд пылает.

— Почему же? — вопросительно выгибаю бровь.

Если идти, то до конца. Так ведь?

— Твоя жена очень о многом мне говорила. Поверь, — вспоминаю те беседы и горько ухмыляюсь.

Маковецкая была стервой еще той. Быстро догадалась, что я по уши влюблена в ее мужа, и отлично на этом играла.

Ой, чего только Аля мне не рассказывала… В какие подробности не посвящала…

А я верила. Слушала, тайно вздыхала, а потом плакала ночами в подушку. Потому что понимала: Макар никогда не полюбит меня.

Мак смотрит на меня таким взглядом, что дурно становится. Если бы можно было сжечь, то сжег бы давно.

— Раз ты решительно отказываешься от моего отцовства,

то я это выясню иным способом, — заявляет безапелляционно. Мне становится дурно.

Мак хватает меня за руку и тащит к подъезду. Упираюсь, как могу, но по сравнению с ним я слишком слаба.

Он сейчас заставит меня подняться в квартиру, а там девочки. Стоит Маку их увидеть, так все. Он тут же убедится в своей правоте.

Мои дочери очень на своего папу похожи.

Блин! Что ж делать-то, а?

Глава 11. Оля

Кажется, я теперь четко знаю, что испытывают осужденные по дороге на эшафот. Непередаваемое ощущение.

Каждый новый шаг приближает меня к самому страшному, что только могло случиться в жизни. Макар скоро встретится со нашими дочерьми.

— Открывай! — требовательно. Мы стоим напротив входной двери в квартиру.

— Мак, послушай, — начинаю. Но он одним взглядом заставляет меня замолчать.

— Открывай дверь, — говорит жестко. От его голоса вгруди все покрывается инеем. — Или я ее выбью!

И ведь не шутит. Он на грани. В таком состоянии без труда выбьет дверь.

— Маковецкий, давай без лишнего шума, — прошу его с трудом сдерживая себя, чтобы не закатить глаза.

Мне и без того проблем с соседями хватает. Они несколько раз полицию вызывали и органы опеки, видите ли, им не нравится, что дети топают. А еще кричат.

Ох, сколько я тогда от них натерпелась! Чего они только не вытворяли. Кошмар!

Уже хотела обращаться к братьям за помощью, как соседи отстали. Потом уже выяснила, что одни съехали. Но остались другие.

И эти другие пока что молчат.

Я не хочу новой конфронтации с соседями. У меня проблем хватает и без нее.

Вставляю ключ, поворачиваю в замке, нажимаю на ручку, дергаю. Дверь не поддается.

Мама закрыла ее изнутри.

— Тихо! — бросаю Маку через плечо. — Сейчас нам откроют, — говорю недовольно.

Ой, что будет… Моя мама Макара порвет.

Легонько стучу. Мама могла уложить моих принцесс спать, и будить детей по прихоти вдруг свалившегося, как снег на голову, отца, не собираюсь.

— Оля, тише, — предупреждает мама, открывая дверь.

Распахивает, видит Мака, и выражение ее лица тут же меняется. Она с непроницаемой маской смотрит то на него, то на меня.

— Явился, — выплевывает, не скрывая своего презрения. — На порог тебя, говнюк, не пущу!

И ведь не пустит. Я знаю.

— Мама, — начинаю. Но она тут же затыкает меня.

— Не мамкай! — говорит строго. — Ты заходи. Одна! — пропускает меня, после этого встает стеной.

Бросаю на Маковецкого предупреждающий взгляд, пожимаю плечами. Хотел познакомиться с девочками? Сначала пройди мою маму!

С Маратом и Давидом у нас один отец, а матери разные.

Мы росли вместе, семья у нас была дружная. По крайней мере, мне так запомнилось.

Я только потом узнала, что моим старшим братьям приходилось совсем не легко.

— Добрый вечер, Татьяна Дмитриевна, — вежливо и совершенно спокойно здоровается Макар. — Очень рад, что вы меня так быстро узнали, — смотрит моей маме прямо в глаза, взгляд не прячет. — Позволите? — показывает за порог.

— Нет! — Мама встает стеной.

— Ну не будем же мы устраивать разборки на лестничной клетке.— Глаза мужчины горят опасным блеском.

— Мама, впусти его, — прошу уставшую женщину. — Маковецкий —баран упертый. Он дверь выбьет, — предупреждаю. За что тут же получаю осуждающий взгляд.

— Заходи, — цедит сквозь зубы. — Но дальше порога ты не пройдешь.

Мак делает шаг вперед, закрывает за собой дверь. Пространство тут же сужается, становится тесно.

Мужчина в нашей квартире —крайне редкий гость.

Братья стараются лишний раз не приезжать, ведь за каждым из них может быть слежка. А Ипполита я в квартиру практически никогда не привожу.

Мы обычно встречаемся на нейтральной территории. Или едем к нему.

— Нам нужно поговорить, — обращаюсь к маме обречен-

но. — Макар все знает.

— Да уж поняла, — произносит с горькой ухмылкой. — Я тебя предупреждала, — заводит старую пластинку. — Твои братья не смогли промолчать.

— Прошу, не начинай! — раздражение одолевает. Неужели нельзя раз в жизни взять и промолчать?

— Я к детям, — отвечает. Строго смотрит то на Мака, то на меня. — Даже не вздумай в детскую сунуться, — предупреждает Маковецкого. Каждое слово пропитано злостью. — Как вас в детстве гоняла, так и сейчас смогу!

Мама разворачивается и уходит, смотрю на Мака. Тот улыбается.

— Все в жизни меняется, но только не твоя мать.— Ухмылка не сходит с его лица. Ловлю себя на том, что улыбаюсь в ответ.

— Разувайся, снимай куртку и проходи, — меняю гнев на милость. — Кухня там, — показываю чуть дальше по коридору.

Оставляю Маковецкого одного, иду на кухню. Дрожащими руками набираю чайник, не с первого раза нажимаю на кнопку включения. Каким-то чудом нужно выдержать этот непростой разговор.

Достаю кружки, кладу в каждую по пакетику чая, насыпаю сахар. За спиной слышу шаги.

Перед глазами проплывают картинки нашей единственной ночи, мышцы тянет. Психую. Даже сейчас, после столь-

ких лет и бед, что свалились на мою голову по вине Маковецкого, он пробуждает давно позабытые чувства в груди.

Бесит!

Бегло оборачиваюсь, Мак стоит на пороге и смотрит исключительно на меня.

— Руки помой, — показываю на раковину. У меня там всегда рядом со средством для мытья посуды лежит мыло. — В квартире маленькие дети живут, а где ты шлялся, я понятия не имею, — едко цежу.

— Могу рассказать, — говорит,глядя на меня исподлобья. Мурашки по коже от его взгляда, едва сдерживаюсь, чтобы руками себя не обнять.

— Спасибо, не интересует, — отворачиваюсь.

Смотрю на кружки и чайник. Психую.

Мак, да пошел ты! Бросил меня одну разгребать то, что натворили вместе, а теперь ждешь к себе хорошего отношения.

Не дождешься!

Решаю, что нечего проявлять гостеприимство. Разворачиваюсь лицом к мужчине, скрещиваю руки на груди.

— Ты хотел поговорить, — ни на мгновение не отрываю от него враждебного взгляда.

Маковецкий молчит. Он делает вид, что не замечает моей злости, спокойно моет руки и еще сильнее бесит.

Мужчина нарочно медленно берет полотенце, вытирается. Поворачивается, делает несколько шагов вперед. Насту-

пает. Мне приходится сдать назад, иначе мы соприкоснемся. Тогда уж точно вспыхнет пожар.

— От меня не убежишь.— Мак медленно, но верно приближается ко мне.

Каждый шаг тверд, но вместе с тем плавен. Мужчина похож на леопарда перед прыжком.

Чувствую себя добычей.

И кто там что собирался кому предъявлять?

Глава 12. Макар

Выходя из квартиры стараюсь не хлопнуть как следует дверью. Хотя очень хочется!

Оля, зараза! Вывела меня.

Пришлось уйти.

Познакомиться с дочерьми так и не вышло, что очень печально. Но не критично. Оля права, девочкам нужно поспать, и будить их только по прихоти невесть откуда взявшегося отца будет неправильно.

Познакомлюсь с малышками завтра днем.

Сажусь в тачку, но не трогаюсь с места. Пишу своим парням, чтобы четверо из них немедленно приехали сюда. Мне нужно установить наблюдение за квартирой, где спят мои дети, и ее обитателями. Уверен, Оля не станет сидеть сложа руки. Она выкинет какой-нибудь финт.

Я должен быть наготове.

— Давай, бери трубку, — произношу в пустоту. Кидаю взгляд на часы, очень поздно.

— Мак, какого хрена? — В динамике раздается недовольный голос друга. — Ты совсем офигел?

— Вика рядом? — уточняю как ни в чем ни бывало.

— Конечно! — бурчит. — Ночь на дворе. Спит она.

— Выйди из спальни, — прошу Даву. Моя новость ему не понравится. А когда начну вдаваться в подробности, так он

не сможет смолчать.

В трубке повисает тишина.

Жду молча.

— Я очень надеюсь, что ты мне звонишь по действительно срочному и архиважному делу.— Торковский рычит в трубку.

— Или ты меня порвешь на куски, — договариваю за другом. Ухмыляюсь.

Знал бы ты, Дава, от какой беды я тебя избавляю, поблагодарил!

— Говори давай, — произносит уже более миролюбиво. — Что стряслось?

— Ты в курсе, что у твоей сестры мужик есть? — решаю зайти с этой стороны. Рассказывать в лоб правду не стоит, Дава горячий и резкий. Наворотит дел с лихвой! Не разгребу потом.

— Удивил, — усмехается недобро. — Оля —молодая, красивая девушка. Это логично, — фыркает. — Или ты считал, что она всю свою жизнь будет вздыхать по тебе? — желает меня задеть побольнее.

И блин! Это ему удается!

— Да пошел ты! — отмахиваюсь. А у самого внутри все пылает.

Стоит представить Олю в лапах ублюдка Смоленского, как в груди начинает свербить. Меня распирает от гнева. Задержись я хоть немного на этом ощущении, так последует

взрыв!

— Ты справки наводил, что он за человек? — продолжаю.

— Мак, отвали от нее! Я тебе уже говорил, — рычит.

— Отвечай на вопрос! — рявкаю. Ярость прорывается наружу, с каждой секундой все сложнее ее сдержать.

— Наводил. Все в порядке, — бросает коротко. — Но теперь я в этом уже не уверен, — продолжает задумчиво. — Судя по твоей реакции, мои люди что-то упустили.

— Твои люди не вертелись в тех кругах, где приходилось быть мне, — немного сбавляю градус нашего разговора. Самое последнее, чего хочу, так это спорить с Давидом.

Для спасения Оли из загребущих лап Смоленского мне потребуется вся артиллерия, до которой только смогу добраться. Марат и Давид далеко не последние в моем списке.

— Что ты хочешь сказать? — В голосе друга появляются стальные нотки. — Что мои парни проморгали криминальный авторитет?

— Я хочу сказать, что Оля вляпалась по самые уши, — ухожу от прямого ответа. — И нам нужно срочно ее оттуда доставать.

Есть разговоры, которые не стоит вести по телефону. Тема Смоленского как раз из таких.

Одно дело я знаю, что это за гад и ублюдок. И совершенно другое—если всплывет запись нашего с Давидом разговора.

Никому не нужны лишние проблемы. А за разглашение подобного рода информации вообще могут убить.

— Где ты? Сейчас приеду, — тут же оживляется Давид. Сонливость из его голоса пропала, как и не бывало.

— Не стоит, — отнекиваюсь. Лишние глаза и уши мне здесь не нужны. Уверен, вокруг меня их более чем предостаточно. Смоленский явно послал сюда своих людей.

— Мак, тогда какого хрена ты меня посреди ночи разбудил? — взрывается друг. — До утра бы подождал, а уже потом говорил!

— Не вариант.— На пару мгновений прикрываю глаза, зажимаю переносицу, растираю ее. Думаю. — Мачехе своей звони. Пусть обработает Ольгу насчет переезда. Твоей сестре нужно уволиться, забрать из детского сада детей и исчезнуть.

— Она меня пошлет, — ухмыляется. — Давно с моей матерью не общался? Забыл, какая она? Могу напомнить!

— Не нужно, — откидываю голову назад. Упираюсь в подголовник. — С меня нашего короткого разговора сегодня хватило.

— Тогда какого хрена ты просишь меня? — продолжает высказывать свое недовольство друг.

— Поверь, в наших же интересах, чтобы ты убедил Татьяну Дмитриевну мне довериться, — поднимаю взгляд, свет в окне спальни и на кухне горит. Оля и ее мать не спят. — Звони сейчас. Будь максимально убедительным, — прошу друга. — Иначе будет война.

— Маковецкий, ты ничего не попутал? — Давид не вос-

принимает мои слова всерьез. Вот же бестолочь! — У Оли нормальный мужик! Я проверял!

— Заткнись и делай, что говорю! — не выдерживаю. — Если хочешь спасти сестру и свою семью, тебе придется слушать меня и выполнять все мои просьбы! Какими бы они идиотскими не казались!

— Точно сбрендил, — раздается негромкое в трубке.

Хочу треснуть ему. Вот прямо сейчас! До невыносимости бесит!

—Я тебе все сказал, — предупреждаю. Вновь проверяю окна. Не спят. — Звони давай, пока они не легли еще. Потом будет поздно.

— Ох, Мак, — вздыхает. — При встрече я не слезу с тебя. Ты ведь это понимаешь, брат? Да?

— Там я тебе смогу все нормально объяснить, — ухожу на мировую. Спорить и ругаться все равно бесполезно. Нам вместе нужно держаться, как никогда.

Смоленский сволочь, гниль и паскуда. Он не посрамится на семьи братьев Оли пойти для достижения своих целей. Ублюдок с маниакальными наклонностями, который при поверхностном общении производит впечатление добропорядочного и интеллигентного человека.

Вырывать Олю нужно из его цепких лап. Срочно! Прощаюсь с Торковским, вижу просьбу от Марка перезвонить как можно скорее. Уточняю у своих парней, где они едут, и набираю друга. Тот не спит.

— Мак! Здорово! — Бодрый и взволнованный голос Ермолаева напрягает с первых секунд разговора.

— Что случилось? — сразу перехожу к делу. — Что-то с Забавой?

Будущая жена Марка —прекрасная девушка. Мы с ней знакомы довольно давно. Тот, кто однажды попробовал выпечку в ее кафе, не останется равнодушным! Там невероятно вкусно.

Но в последнее время происходящее с Забавой меня напрягает. Она слишком часто стала отсутствовать в своей булочной, редко появляется на людях. Вечно улыбающаяся и светящаяся от счастья девушка стала сама не своя.

— С ней все в порядке, — говорит значительно тише. — Беременная она, — шепчет еле слышно. — Токсикоз дичайший, никакого запаха не может переносить.

— О-о, — все, что удается мне сказать. Про женские закидоны во время беременности слышал, но они меня как-то всегда обходили стороной. — И поэтому ты мне звонишь?

— Не совсем, — произносит снова нормальным тоном. — Скажи, у тебя есть хороший узист и нормальный врач?

— Нормальный врач? — ухмыляюсь. — Это как? Стоматолог тебе подойдет?

— Блин, Мак, не смешно.— Голос друга вновь становится озабоченным.

— Что такое? Скажи. Решим, — снова смотрю на Олины окна. Вижу стоящий у окна силуэт, понимаю, что это она. На

сердце сразу становится как-то теплее.

— У Инги беда, — печально вздыхает Ермолаев. Закатываю глаза.

— Снова? — качаю головой.

Его сестра —просто кладезь неприятностей! То связалась с полным отморозком, то чуть на тот свет не отправилась. Еле вытащили! Потом в больнице на сохранении провалялась месяц, и опять у нее что-то случилось.

Марк не успевает разгребать ее проблемы. Капец!

— Да блин! — В голосе друга звучит усталость. — Инга ходила на очередное УЗИ. Врач посмотрел ребенка, сказал, что у того какая-то атрезия ануса и отправил сестру на аборт. — Даже на расстоянии слышу, как друг взвинчен. — Срок большой. По предыдущим анализам все в норме. Понимаешь, нормально все было!

— Так что надо от меня? — уточняю. — Ну отправили на аборт, пусть делает. Если у ребенка проблемы такие.

— В том-то и дело, что она хочет рожать, — заявляет Ермолаев. — Ревет белугой. Уперлась и ни в какую не соглашается проходить дальнейшие обследования в той клинике, где наблюдалась. Говорит, рожу ребенка, и все тут.

— От меня чего хочешь? — спрашиваю еще раз.

— Мне врач нужен. Нормальный! — говорит твердо. — Который посмотрит сестру и ребенка, проверит, действительно ли есть эта хрень, и расскажет, реально ли выходить малыша.

— Всего-то? — ухмыляюсь.

— Ну да, — подтверждает. Раздумываю над тем, как ему помочь.

— Был у меня один контакт. Я тебе сейчас его пришлю, — вспоминаю об одном хорошем знакомом. В определенных кругах он прославился как хороший врач. Но знаю, что принимает еще в поликлинике где-то. Если кто способен помочь, так это именно он. — Звони завтра после часа дня, скажешь, что от меня. Я его предупрежу.

— Спасибо, друг! — Голос Ермолаева полон благодарности.

— Не за что, — отмахиваюсь. Своим нужно помогать, иначе не выжить.

Во двор заезжают три машины, останавливаются напротив. Тут же узнаю своих парней.

Прощаюсь с другом, выхожу из салона. На улице уже глубокая ночь.

— Макар Александрович, что нужно сделать? — Ко мне подходит старший из них.

— Камеры привезли? — уточняю. Если нет, то сейчас за ними отправлю! Наблюдение за лестничной клеткой мне кровь из носу нужно.

— Егор за ними поехал. Скоро будет, — тут же отчитывается передо мной. — Что делать нужно? Вводите в курс дела.

— Значит, так…

Глава 13. Макар

Глаза продираю где-то в районе полудня.

Сквозь шторы просачиваются яркие солнечные лучи. Они озаряют светом небольшую комнату старой «хрущевской» квартиры. Пожелтевшие от старости бумажные обои с цветами, торшер с абажуром советской эпохи, сервант.

Здесь, в этой квартире, я знаю каждый угол, каждый сантиметр. Воспоминания из далекого прошлого вновь играют яркими картинками в голове.

Время понимаю, не глядя на часы. Охреневаю.

Блин, вот это я молодец! Поспал так поспал. От души.

Помню, как приехал под утро. Не включая свет, добрался до кровати и сразу же отключился. Усталость взяла свое.

Почему решил не отправляться в гостиницу? Да хрен знает! Там было бы проще.

Только вот я здесь.

Осматриваюсь по сторонам.

За время моего отсутствия, а это не год и не два, в этой комнате ничего не изменилось. Даже мебель осталась на своих местах.

С трудом соскребаюсь с кровати. С непривычки мышцы одеревенели, едва делаю пару шагов.

Зажрался я…

Люксовые матрасы, премиальные шмотки. Все лучшее, не

отказываю себе ни в чем! А тут…

Сколько раз я предлагал купить нормальную новую квартиру. Сколько раз уговаривал хотя бы здесь сделать ремонт. Я бы нанял лучших людей, все вышло бы идеально! Но нет…

Она желает жить в старом жилом фонде, с древним ремонтом, с пожелтевшими от времени обоями на стенах.

Уперлась и ни в какую не соглашается на перемены. Не представляю, как можно ее уговорить.

Выхожу из большой комнаты, прислушиваюсь к звукам в квартире. Тишина.

Никого. Я один.

Медленно расхаживаясь, отправляюсь под душ. Мне нужно как можно быстрее привести себя в порядок и проснуться. Состояние просто атас!

Такое впечатление, словно я бухал всю ночь.

Если бы это на самом деле было так, было бы не настолько сильно обидно. Но нет же…. Я работал всю ночь напролет. Не присел отдохнуть ни на мгновение.

Мы с парнями до самого утра провозились с охраной квартиры Оли. То в подъезде камеры устанавливали, то искали возможные уязвимые точки, то разбирались с ищейками Ипполита.

Смоленский же не смог спокойно свалить накануне вечером. Он посреди ночи приехал с подмогой и решил устроить беспредел. Думал одолеть меня голыми руками. Не тутто было!

Пришлось доходчиво объяснять людям, что не стоит больше к Оле соваться. Она занята.

— Макарушка, ты проснулся? — В коридоре раздается старушечий голос. Я только выключил воду, и газовая колонка прекратила шуметь.

— Доброе утро! — отвечаю из-за закрытой двери. — Одну минуту. Выйду сейчас.

— Не торопись, милок, — шаркая тапками по незастеленному коврами полу, говорит пожилая женщина. — Я пока завтрак накрою. Приходи.

— Хорошо, — говорю.

Беру первое попавшееся махровое полотенце из небольшого шкафа, что стоит у стенки с незапамятных времен. Подношу к носу, закрываю глаза и вдыхаю давно позабытый запах. Мысли уносятся в прошлое. Возвращаюсь в себя.

Все же хорошо, что я приехал сюда вместо гостиницы. Людмила Петровна, мать Али и моя теща в прошлом, очень многое значит для меня.

Чувствую, как снова обретаю давно потерянную частичку себя. Ни с чем несравнимое чувство!

Цепляюсь за него, пока могу уловить.

— Здравствуйте, — захожу на небольшую кухоньку. Она настолько крохотная, что если я сяду в центре на стул, то смогу дотянуться до лежащих продуктов в шкафах. Лишний раз вставать не нужно.

Улыбаюсь. На сердце становится сразу как-то светлее.

— Какими судьбами? — поворачивается, смотрит на меня. Взгляд прожигает до самого основания души. — Не просто так ведь решил проведать старушку.

— Не просто, — соглашаюсь. — Дела поблизости были, решил навестить.

Присаживаюсь за стол, Людмила Петровна ставит передо мной тарелку с глазуньей, нарезает домашний хлеб.

— Повзрослел, — произносит, внимательно меня изучая. — Но на сердце тоска, — продолжает анализировать. — Поделишься?

— Позже, — ухожу от прямого ответа. Не хочу отказом ее обижать.

Моя бывшая теща единственная, с кем я не испортил отношения после смерти Али. Только с ней общался все годы, о которых сейчас мечтаю забыть.

Людмила Петровна принимала меня любого. Злого и раскисшего, готового разнести все вокруг и не желающего дальше жить. Она меня вытаскивала, не позволяла отчаяться. Я до сих пор жив и смог справиться со всеми трудностями во многом благодаря именно ей.

— Лучше расскажите, как вы, — прошу старую женщину. — Может, помощь какая нужна. Я помогу!

Людмила Петровна смеряет меня многозначительным взглядом. Она упряма не меньше меня.

— Сначала скажи, — присаживается напротив меня, наливает в кружку красный чай. Отпивает. — С матерью по-

мирился?

— Нет, — отрезаю. Я не желаю про нее говорить!

На кухне повисает тишина. Жую, но под осуждающим взглядом кусок в горло не лезет.

— Не смотрите на меня так, — не выдерживаю первым. — Не стану я с ней мириться. Она первая оказалась от меня!

— Твоя мать такой же живой человек, как и все остальные, — произносит мягко. — Людям свойственно ошибаться.— Мудрый взгляд пронимает до костей. — А еще нужно уметь прощать.

— Есть вещи, которые не прощают, — стою на своем. — А где Барс? — озираюсь по сторонам в поисках пса. Но в углу даже не стоит его миска.

— Помер он, — вздыхает. — Год назад.

— Сожалею, — сочувствую ей.

Снова переводим разговор в другое русло.

На этот раз никто из нас не касается болезненных тем, маневрируем, избегая острыхуглов. Сразу становится легче общаться.

— Извините, но мне нужно позвонить, — ставлю грязную посуду в раковину, благодарю за завтрак и возвращаюсь в комнату.

Нахожу лежащий на кровати телефон, снимаю блокировку и охреневаю. Двадцать пропущенных от Оли.

Что за ерунда?

Захожу в телефонную книгу, хочу перезвонить, как она

сама вновь дозванивается до меня.

Поднимаю трубку.

— Маковецкий! Где они?! У тебя?! — У девушки на том конце провода настоящая истерика.

— Кто? — ничего не понимаю. Оля орет так, что больно ушам. Приходится держать трубку на расстоянии. — Успокоилась! — рявкаю на нее. Выслушивать тонну проклятий в свой адрес я не намерен.

Оля замолкает. Шмыгает носом и плачет.

Я напрягаюсь. Мне совершенно не нравится, к чему все это ведет.

— Скажи мне спокойно, — прошу ее. — Что случилось?

— Девочки где? — спрашивает.

— В смысле? — В груди становится холодно. Сердце превращается в лед. — Они пропали?

— Да! — плачет. — Маковецкий, прошу, скажи, что они у тебя!

Глава 14. Макар

— Где девочки? — без предисловий спрашиваю у старшего группы. Не до приветствий сейчас.

— Гуляют на детской площадке во дворе, — отвечает, словно ничего не случилось.

— Ты их видишь? — уточняю. Тревога постепенно начинает отступать.

— Обижаешь, Макар Александрович, — произносит с легкой укоризной в голосе. — Я за своими так не следил!

— Ну как ты за своими следишь, мне глубоко пофиг.— В динамике поверх разговора раздаются гудки. Кто-то прорывается по второй линии.

Смотрю на экран смарт-часов, вижу высветившееся имя, и злорадная ухмылка появляется на губах. Оленька, ты решила спустить на меня в

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.